

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР СТРЕЛЬНИКОВ

ССЫЛЬНОПОСЕЛЕНЕЦ

РОМАН

Москва, 2015
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С84

Серия основана в 1992 году
Выпуск 943

Художник
М. Поповский

Стрельников В. В.
С84 Ссылнопоселенец: Фантастический роман. — М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 281 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1951-7

Жизнь... она порой бьет ключом. Да не простым гаечным, а от труб охлаждения реактора корвета. Да еще прям по макушке.

Сегодня ты капрал-абордажник, командир отделения досмотра и абордажа, с неплохими для капрала без особых связей возможностями карьерного роста. Есть служба, которая нравится, есть девушка, которую любишь. И даже финансовое положение вполне себе неплохое. А завтра ты приговоренный к пожизненной ссылке поселенец на дикой планете. Один среди многих, чужой среди чужих. И только старое ружье, пара ножей и рюкзак со шмотьем твое. Ну и приблудившийся щенок-калека. И что? И ничего. Ты привык к бою на борту космического корабля? Тебя к этому отлично подготовили? Тебе вбили, что впереди все рыдает, а сзади все горит? Так драка на грязной улице ничем не отличается, разве скорострельностью. Но ведь главное не то, кто больше стреляет, а то, кто первый точно попал. А стрелять ты умеешь. И даже думать умеешь, иногда.

Так вперед, капрал, впереди огромный мир. Впереди неизведанные горы, новые друзья и новые враги. Новые загадки и новые горизонты. Свежий ветер в лицо и отблески костра на лице. Плеск новых рек и вкус воды из новых родников. Да и кто сказал, что не будет новой любви?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Стрельников В. В., 2015
© Художественное оформление,
ISBN 978-5-9922-1951-7 «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

*Солнечная система. Луна. Форт Доусон,
казармы морских пехотинцев.*

2256 год. 18 февраля, понедельник. 04:30 по Гринвичу

— Лар, просыпайся. — Я укусил за ухо красивую, коротко стриженную шатенку. — Скоро подъем. Тоша, утренний свет.

И мой собственный домашний искин зажег плазменную панель на стене. Ну люблю я уют, что поделать. Унылые штатные стены каюты — верный путь к депрессии, правда, для гражданского. Мы-то, морпехи, народ покрепче, но все равно мне казенных серых стен и на корабле хватает. Там все эти гражданские навороты напроць запрещены. А сейчас просто праздник какой-то. Легонько дунул морской ветер с легким запахом йода, водорослей и тропических цветов. Черные скалы и черный песок гавайского пляжа, белую пену на песке осветили первые лучи солнца. Красотища, блин, жаль только, до отпуска еще полгода.

Вообще, можно с искином и через нейросеть общаться, коннектор я уже надел, но нет желания. Хватит того, что несколько минут разбирал пришедшую почту и читал утренние газеты. Впрочем, хочу я того или нет, но мой искин отправляет мне данные о радиационной и метеоритной обстановке на поверхности Луны, солнечной активности, сбоях и авариях во внутренних помещениях порта, и самое главное, всю информацию о моем отделении и всю обязательную для меня информацию о нашем сторожевике, корвете «Осмотрительный», пришедшую на мой адрес, пока меня не было в сети. Чином я не очень вышел, чтобы планы командо-

вания знать, но о своем заведовании должен знать от и до. Но при этом я совсем не обязан быть в войсковой сети в законный выходной, а во время секса снять коннектор сам бог велит, а то выплывет запись самого интересного в сети. Есть шутнички в Космофлоте. Плюс еще состояние личного счета, курс доставшегося в наследство от троюродного деда крохотного пакета акций «Газпрома» и пару раз в день данные с приборов своего древнего коллеги из моего дома в Нукусе. Дом старый, получил в наследство все от того же троюродного деда, ИИ там фактически старый древний компьютер. Программа древняя, медленная, но менять не хочу. Работает, и ладно: если нужно, Тоша и отсюда что нужно делает, если уж Старик не справится. А ровно в семь часов на коннектор придут обновленные данные из нашего батальона и с борта «Осмотрительного». Все, служба начнется, хочу я или нет, но придется работать с нейросетью. Не люблю, правда, работать с сетью не в боевом режиме. Все эти графики, схемы, таблицы, которые всплывают в периферийном зрении и постоянно меняются, зудение голоса в ухе. Предпочитаю работу с голомониторами, хоть и устарели окончательно они уже года три как тому назад. Но я вообще ретроград, если честно.

— Мр-р-р. Обломист, мы же только заснули! Как вы в пехтуре умеете обходиться двумя часами сна? — Лара почти проснулась, приподнялась на обычно очень узкой для двоих кровати и, закинув сильные и красивые руки за голову, потянулась. Легкая простыня слетела с ее великолепного тела, и две высокие груди вызывающе уставились в зарешеченные плафоны светильников. На запястье правой руке сверкнул золотом разъем коннектора.

— Лар, не надо меня провоцировать, я живой и очень ранимый!

Ну да, я живой морпех. И вид прекрасной обнаженной девушки напрочь забивает мозг гормонами и меша-

ет спокойно думать. Именно потому я постоянно бужу свою девушку за два с половиной часа до общего подъема. Впрочем, есть еще одна причина. Лара Саймон — штурман-лейтенант нашего ЗКП, то есть запасного командного поста форта Доусон, а я — всего лишь капрал, командир отделения морпехов-десантников. Тупой гоблин-штурмовик с подготовкой пилота малоразмерных судов и еще десятком необходимых современному пехотинцу воинских специальностей. Но не офицер: для того чтобы получить звездочки на погоны, нужно не только серое вещество мозга, но и серьезные деньги и протекция. Просто так в тот же Вест-Пойнт или в Рязанское десантное не поступишь, конкуренция на старой Земле дикая. Офицерские звездочки — это совсем не обязательно тяжелая служба, это, скорее всего, мягкое кресло и непыльная работенка на матушке-Земле. А потому не стоит офицеру светиться, выходя прилюдно из каюты капрала. Тем более капралу совсем нечего делать в офицерской каюте. Ни к чему подводить любимую девушку. Хотя начальство и знает, но все одно, традиции есть традиции. Ладно хоть комбез у нее гражданский сейчас, по полной форме она никогда в моей каюте не останется.

— Ты порой несносен, Матвей! И почему я с тобой связалась? — Простыня вообще улетела на пол, и на прохладный бетонопластик опустились две изящные ступни. Соответственно ступни эти принадлежали двум вообще сногшибательным ногам, хозяйкой которых являлась взбалмошная, но очень красивая умница, спортсменка и просто комсомолка (знать бы еще, кто это такая), штурман-лейтенант Лара Саймон. — И вообще ты тупой мужлан, только и можешь, что крушить кулаками броневые листы и отстреливать мухам их детородные органы! Правда, любовник ты неплохой. — И девушка чмокнула меня в губы, перед тем как уйти в душ.

— Знаю, знаю! И танцую я плохо! Зато, может, я отец хороший! Давай попробуем узнать?

Я рукой прижал проснувшийся орган, наблюдая за вышедшей из крохотного душа и одевающейся девушкой. Та вроде как мгновенно, но очень пластично, с большой грацией надела легкий общий комбез, одним движением впрыгнула в высокие ботинки, автоматически застегнувшиеся на ее икрах. Сняла со спинки стула ремень с тяжелым импульсником в поясной кобуре. Не знаю, что она нашла в такой серьезной штуковине? Я, например, при повседневке предпочитаю простой бластер. Легкий как перышко, ремня не оттягивает и как раз соответствует минимальной мощности для личного оружия, рекомендованного для повседневной носки. Вообще здесь, под куполом порта, среди своих, личного оружия не требуется — была бы моя воля, вообще не надевал. С парнями разобраться и в спортзале, на ринге можно. А Лара, наоборот, выбрала наиболее мощный экземпляр. Нет, я не спорю, FNXX-50 — обалденная штука, мощная и точная, и на работу, точнее — на штурмовку, я сам беру пару таких, помимо любимого «ковровца». Но носить по коридорам лунной базы такую гирию изящной девушке — уму непостижимо. Тем временем Лара взяла с узкого стола сейчас прямую пластину своего коннектора и аккуратно совместила разъем с контактором. Щелкнув, браслет ожил и обхватил руку девушки. Коротко пробежались по нему разноцветные огоньки, Лара на пару секунд зажмурилась. Ну да, активация имплантов и нейросети до сих пор не самое приятное ощущение. Но без нее в космосе сейчас делать нечего, даже на гражданские должности не возьмут, уж про армейские и флотские говорить нечего. Впрочем, девушка уже пришла в себя, встряхнула головой и на несколько секунд замерла, прислушиваясь, а точнее, просматривая файлы, всплывшие сейчас в периферийном зрении. Потом подошла к зеркалу, нацепила на ушки сережки-клипсы, блеснувшие искрами небольших, но не синтезированных, а настоящих якутских бриллиантов. Я подарил, между прочим, на прошедший недавно

Новый год, то есть на католическое Рождество. Дороговато, правда, для капрала, пусть и на должности сержанта, но для такой девушки не жалко.

Кстати, про должность. Если я не напорю косяков, то и звание повысят в течение полугода. А сержант Корпуса — это почетно! Не зря десяток лет отдал, совсем не зря.

— Проводишь? — сдвинув зеркало, повернулась ко мне Лара.

— Обязательно, — кивнул я, приглаживая влажный ежик коротко остриженных волос.

Впрыгнул в ботинки и открыл дверь каюты, пропуская девушку вперед, в коридор нашего отсека.

Слегка цокая электромагнитными подковами по полированному полу, мы неторопливо направились в сторону офицерского сектора. За дверью каюты искусственная гравитация заканчивалась, и начиналась обычная лунная, одна шестая. Экономия, которая порой шокировала гражданских спецов, но к которой мы давным-давно привыкли. Во время отбоя народу по отсекам в рабочие дни шарахается немного, и всех далеко слышать. Вот и цокот патруля мы услышали еще до поворота. Здоровенный темнокожий сержант из военной полиции и двое рядовых вежливо остановили нас и попросили представиться. После чего, считав сканером информацию с коннектора, отдали честь Ларе и, попрощавшись, двинулись дальше по коридору. Выпивших ловят — обычная процедура в понедельник утром.

— Так, дальше я сама.

Лара вытащила из поясной сумочки крохотное зеркальце, оглядела себя в нем и, чмокнув меня в щеку, пошла к охраняемой дежурной двери. И после процедуры опознания исчезла за нею. Вообще, все эти шпионские игрища уже давным-давно просто шаманские танцы. Обычай лунной базы, фактически первой военной базы человечества за пределами Земли. Некоторым отсекам уже по двести с лишним лет, в них сейчас заходят только

по спецдопускам археологи и особысты. Впрочем, обычные солдаты тоже в них бывают, я еще рядовым участвовал в демонтаже древнего оборудования на одном из нижних ярусов. Плафон, который висит в моей каюте, — оттуда. Светодиодные лампы уже пару веков как не производятся, но этой еще годов двадцать работать до окончания ресурса (на складе в подсобке нашел).

Но пора и самому к службе готовиться, скоро подъем, начало будней...

— Учебная тревога, корабль к бою и походу приготовить! — Древняя как мир команда разнеслась по корвету, заставив тех, кому она предназначалась, разбежаться по боевым постам.

Все, понеслось.

— Здравия желаю, главный старшина. — Я приветствовал старого киборга, главного корабельного старшину Васильевича.

Лет тридцать назад он получил около шестидесяти процентов повреждений тела в одной крутой разборке с пиратами и был смонтирован в Центральном военном госпитале Марса. Службу не бросил, наоборот, фактически перебрался на постоянку сюда, на лунную базу. И стал одним из тех, кто принимал наш корвет пятнадцать лет назад. И так на нем и остался, его вполне устраивает и служба, и должность командира Четвертой кормовой казематной установки. Ну а мы, наше отделение, по штатному расписанию сидим здесь, в пультовой установке, и громко не кашляем. Морпехам особо на корабле делать нечего, разве в отражении абордажа поучаствовать или как аварийная команда. Первое здесь, в Солнечной системе, — ну очень маловероятно, но и первое, и второе периодически отрабатываем на учениях.

— Тебе тоже не кашлять, капрал, — добродушно пробасил из внешнего динамика киборг. — Тебя боцман просил подойти к нему на шлюпочную палубу.

— Спасибо, подойду, — кивнул я, устраиваясь в своем ложементе.

С боцманом, тоже главным корабельным старшиной Йенсоном, нас обоих связывало небольшое увлечение. Хобби, так сказать: оба любим старые-престарые вестерны. Желательно снятые в двадцатом веке. А передавать такие фильмы по сети — значит попасться на крючок от-делу по защите интеллектуальной собственности, мать его. Вот и пишем на флешки фильмы и передаем из рук в руки. Благо домашний искин никого в сеть не пустит.

— Не знаешь, главный, на сколь выходим?

— Вроде как туда-сюда, до орбиты Плутона про-шмыгнем и вернемся, обычная рутина. — Васильич го-нял по экрану настройки орудий. Тоже тот еще ретро-град. — Чтобы лишка салом не заплыли.

— Легкая пробежка — это неплохо. Так, дежурства по отделению в обычном порядке. Рядовой Зейман, первый. Остальным отбой. — И я сам устроился поудобнее и задремал.

Не, ну а чего терять полтора часа как минимум, пока корабельщики прокрутят свои агрегаты в прогонных режимах и дадут добро на отчаливание. Эх, знал бы я, чем закончится этот поход...

*Солнечная система. Земля. Пригород Донецка.
2256 год. 14 марта, пятница. 11:30 по Гринвичу*

— Отделение, пли! — онемевшими от холода губами прошептал я, и гулкий залп из древнейших автоматов Калашникова взметнул стаю ворон с окрестных засне-женных тополей. А в семейную ячейку под траурную мелодию начали опускать капсулу с прахом парня из второго отделения нашего взвода. Точнее, то, что вы-скребли из остатков скафандра, пойманного в откры-том космосе.

Небольшая толпа из родни и знакомых Славки Зуева, добродушного и здорового парня с Херсонщины, молча-

ливо стоящая рядом. Мать, которую поддерживает под руки отец и младший брат, плачущая красивая брюнетка, полненькая, как раз в Славкином вкусе, наверное, здешняя зазноба. А может, и невеста, бог его знает, мы со Славкой не настолько хорошо знакомы были.

Пробежка до Плутона прошла штатно, и «Осмотрительный», развернувшись за его орбитой, отработал боевые стрельбы главным калибром, разнеся в пыль пару здоровенных глыб, болтающихся в пустоте и, по оценкам баллистического компьютера, могущих в далеком будущем угрожать Земле или Марсу. Потом высадка группы захвата на такую же глыбину — тут уже я с отделением на боте скакнул за триста верст, попрыгал по поверхности астероида, расплавил с парнями свод небольшой пещеры и, отрапортовав об уничтожении вероятного противника, вернулся с парнями на борт, прихватив в качестве сувенира небольшой кусочек базальта. А через шесть часов при подлете к Сатурну встретили этот гребаный «контрабас».

Этот гад лег в дрейф, позволил нам приблизиться на расстояние высадки досмотровой группы, а потом решил врезать по нас из старой, но на таких дальностях крайне эффективной гауссовки. И только подвиг досмотровой группы, успевшей своим ботом перекрыть директрису гауссовки, спас нас от серьезнейших неприятностей. Парней разнесло в клочья вместе с ботом, потом удалось найти и спасти троих, и то быть им киборгами. А шестеро «пали смертью храбрых». Затем абордаж и штурм, мое отделение, усиленное половиной третьего, взяли на штык «контрабаса». Благо Васильич аккуратно вырезал гауссовку и повредил двиглы судна. Экипажа живьем не брали, ну кто виноват, что они оказывали сопротивление и делали резкие движения в виде судорожно дернувшейся ноги, например? Никто. Только котов я приказал не трогать, когда в одной из кают обнаружили трех здоровенных тварюг. Не стал рисковать: кэп наш ну очень котов уважает.

После чего были длинные поиски, искали ребят. Неделю я жил на боте, гоня по расширяющейся спирали вдоль вероятных траекторий обломков досмотрового бота. Двух поднял, в том числе и Славку.

Потом куча докладных, изъятие военной прокуратурой всех записей, устный опрос всех свидетелей, то есть нас. После чего дело закрыли и отправили на полку. С «контрабаса» получили интересные трофеи, груз неактивированных киборгов, точнее, биороботов. Тут вроде как и наш старшина-киборг, и эти девушки тоже киборги. Но Васильич был рожден человеком, а эти были полностью созданы. И прав у них никаких, за них полностью отвечает хозяин. Роботы, точнее, роботессы, были мало того что контрабандно вывезены, так еще и незаконно изготовлены. Похоже, какая-то войнушка затевается на окраинной планете, не иначе. В любом случае наша доля, как обычно, шла или в деньгах, или в товаре. Я, например, пока не решил, что делать буду с парой доставшихся роботесс. Погляжу, пока пусть в трофейной камере хранятся — пока я служу на флоте, это для меня бесплатно.

После окончания траурной церемонии я вывел свое отделение с кладбища на окраине Донецка. Сдали в комендатуру автоматы, и после распустил ребят в увольнение. А сам, переодевшись в гражданку, порулил в ближайший бар на среднем уровне, где хотел серьезно наклюкаться. Такие потери редкость, надо помянуть парней. На верхнем уровне мне не нравится — ни публика, ни обстановка. Внизу точно подерешься, там шпаны хватает, нет ни малейшего желания. Средний уровень — рабочий район. Где обычно не трогают и не лезут в душу.

*Солнечная система. Земля. Пригород Донецка.
2256 год. 14 марта, пятница. 20:18 по Гринвичу*

Бар оказался хоть и небогатым, но на удивление неплохим: тихая музыка, стилизованная под старину об-

становка. Конечно, выпивка не самая лучшая, но мне и простая водка пойдет.

— Вот ты где! — После пятой или шестой двойной рядом опустилась Лара. Тоже по гражданке, в легкомысленно коротком платьице под курткой. Длинные сапожки подчеркивали стройность ног девушки, да и взгляд притягивали. Волосы зачем-то в темно-рыжий выкрасила. Хотя красиво. — Бармен, мне тоже водки!.. Помянем! — И она залпом выпила свою двойную, поморщилась. Поглядела, как я молча выпил еще несколько рюмок, и решительно взяла меня за руку. — Пошли, Матвей. Хватит.

— Рыжая, да оставь ты его! — К нам неторопливо подошел хамоватый тип, из компашки вошедших вслед за Ларой типа крутых перцев из «золотой молодежи». Крепкие, накачанные, неплохо тренированные парни ищут себе на задницу приключения на нижних уровнях, адреналина им не хватает.

— Отвали! — Лара отбросила руку.

А я пожалел, что оставил бластер. Хотя я же знал, что напыюсь. Вот не мог предположить, что со мной девушка будет.

— Чего? — удивился парень и попытался схватить Лару за ворот куртки, но был отброшен сильным ударом ноги в живот. Моей ноги. Нехрен моих девушек цеплять.

Пролетев пару метров, он грохнулся на стол и свалился с него. Ну а что, сейчас мебель в таких заведениях делают крепкую, чтобы не менять после каждой драки. Выйдя в центр зала, я увернулся от пары брошенных в меня бутылок. Полных, разумеется, — смысл бросать пустой пластиковой упаковкой? Поймал за кулак еще одного здоровяка и слегка подправил его движение, попутно придав небольшое ускорение, в результате чего парень ударился о стену и сполз по ней.

И в этот момент в Лару прилетела полная бутылка, ударив ей в лицо. Вскрикнув, девушка упала. Упала вис-

ком на кусок срезанной стойки стула, которой я раньше не заметил. Все-таки это недорогая забегаловка.

Глядя на растекающуюся из-под головы Лары кровавую лужу, я почувствовал, как сознание застилает багровая пелена ярости.

В себя пришел, когда прекратили дергаться ноги пятого парня, голова которого была расколота о стену до состояния коровьей лепешки. Четверо остальных тоже вряд ли подлежали реанимации. У всех я разрушил головной мозг больше чем на семьдесят процентов, просто разбив им головы вдребезги.

За стойкой блевал бармен, в углу ревели две девчонки-посетительницы.

— Стоять! Полиция! На пол, лежать, руки на голову! — В бар заскочили двое мужиков в полицейской форме, со станнерами в руках.

*Солнечная система. Земля. Городская тюрьма
Донецка.*

2256 год. 21 марта, пятница. 12:12 по Гринвичу

— Матвей, понимаете, оплата такой операции и лечения в целом очень дорога. — Мой адвокат, точнее, наш, семейный, передвинул с места на место папку с планшетом. — Ведь Лару, как и тебя, уволили из Космофлота.

Ну да, один из тех, кому расколол череп, был сыночком сенатора. Очень и очень влиятельной шишки. Конечно, его влияния не хватило, чтобы удавить меня в тюрьме, — слишком много шума, да и враги у него нашлись соответствующие в полиции, так что я особо охраняемый заключенный. А вот влияния на то, чтобы уволить меня и Лару из рядов, — вполне. И теперь моя девушка лежит в гражданской клинике, и мне необходима куча кредитов, чтобы оплатить ее лечение. Хотя бы продлить жизнедеятельность, в самом худшем случае.

Дело в том, что Лара беременна. Носит моего ребен-

ка. Кстати, из-за этого и придрались. Скоты, девушка в коме, ранена, а они ее уволили. У меня кулаки сжались от желания удавить флотских чиновников.

— Моисей Ипполитович, продавайте мои трофеи. Держите. — Я скинул ему данные. Конечно, каждый файл, вышедший от меня и тем более ко мне зашедший, проверяется, но в этом нет ничего незаконного. Тем более что мои трофеи в случае моего увольнения имеют право еще два месяца на складах флота храниться. — Это пока. И ищите покупателей на мой дом в Нукусе. Судя по всему, потребуется.

*Солнечная система. Земля. Городская тюрьма
Донецка.*

2256 год. 29 мая, четверг. 15:00 по Гринвичу

— Здравствуй, главный корабельный.

Меня навестил Васильич. Вот уж кого не ожидал. Точнее, я знаю, что парни меня поддерживают, но служба есть служба, с нее не особенно вырвешься.

— Здравствуй, капрал. — Васильич назвал меня по званию. Приятно, черт побери, давно меня так не называли. В принципе имею право, меня хоть и уволили, но в запас, звание сохранили. — Пришлось из-за тебя на Терру спуститься, хотя и не люблю я ее. Подключайся к разьему, качать инфу будем. — Киборг подключил флешку к считывателю.

— А нужно? — Я удивился. Какая информация, для чего она мне?

— Нужно. Тут старые уставы, справочники, Наставления по стрелковому делу, ремонту, руководства службы. Понадобится, поверь мне. Плюс старые охотничьи, туристические, рыболовные справочники. Даже пара энциклопедий домашнего хозяйства и три кулинарные книги конца девятнадцатого — начала двадцатого века есть. Качай, не спрашивай. Тебе точно понадобится! — Киборг раздраженно сверкнул оранжевым.

Ну надо, так надо, у меня в имплантах места еще навалом, можно транспорт запихать, если постараться. И потому я подключил тюремный коннектор к разъему.

*Солнечная система. Земля. Донецк, Городской суд.
2256 год. 23 июня, понедельник. 14:40 по Гринвичу*

— Матвей Игнатъев признан виновным в умышленном убийстве во всех пяти эпизодах. Приговаривается к двум пожизненным срокам. Приговор может быть обжалован в течение месяца в общем порядке. — Судья, строгая женщина лет сорока-пятидесяти, ударила молотком по столу. — Вопросы есть, осужденный?

— Нет, ваша честь. — Ну чего-то такого я и ждал.

И адвокат спокойно собирает бумаги. Нет, он подаст апелляцию, но толку от нее точно не будет. Так что для меня он мало чего может сделать. Нет, вру. Он делает для меня очень много. Я ему верю и потому оставил ему право распоряжаться теми деньгами, которые получил за продажу дома и реализацию акций и всего остального. Что у меня было. Точнее, я сразу перевел все на счет Лары, а стряпчего сделал ее попечителем. А то у меня все исками отсудили бы, а так я гол как сокол.

*Солнечная система. Земля. Городская тюрьма
Донецка.
2256 год. 22 июля, вторник. 11:03 по Гринвичу*

— Мистер Игнатъев, вам отказано в пересмотре приговора. Приговор вступает в законную силу. — Сидящий за столом представитель закона встал и неторопливо вышел на середину кабинета, остановившись рядом со мной.

Ну, в принципе рисковый мужик. Или провоцирует? Я хоть и в кандалах, и два вертухая рядом, но ведь все равно рискует. А обращается интересно, из англосаксов точно, и выговор скорее американский, откуда-то с Юга. Есть знакомые парни из тех мест.

— У нас предложение. Мы готовы заменить ваше тю-

ремное заключение пожизненной ссылкой на одной из колонизируемых планет. Предлагаем один раз. Планета кислородная, терроформированная. Вы будете там сами по себе, никаких представителей системы исполнения наказаний. Никаких ограничений в передвижении по поверхности планеты. Никаких ограничений в поступках. Никакой защиты со стороны государства. Сможете — выживете. Согласны?

— Да! — Я согласился прежде, чем он закончил свою речь.

Вот о чем говорил Васильич!

— Тогда через пять часов вы вылетаете на борту корабля системы исполнения наказаний. У вас есть час, чтобы отправить письма родным и близким. Прощайте. — Чиновник, потеряв ко мне интерес, вернулся за свой стол.

— Пошел. — Меня толкнули дубинкой в плечо. — Шевелись, парень, у тебя мало времени.

Вертухаи довели меня до моей одиночки и, уже разворачиваясь, оба, почти одновременно, бросили:

— Удачи!

Неизвестно где, неизвестно когда

Ох ты тля, как же болит голова...

Я с трудом приподнял руку и прижал ее к макушке черепа, пытаясь унять пульсирующую боль. Ну еще бы, кто-нибудь хоть сомневался, что ссыльным нормально анабиоз проведут? Нет, конечно, все останутся живы и здоровы, а последствия... Последствия потом долго еще сказываться могут. И головная боль — просто реакция мозга на разную скорость восприятия потоков из самого мозга, нейросети и имплантов памяти.

Перед глазами низкий серый потолок с лампой в за решеченном абажуре, практически такой же, как в моей бывшей капральной каюте на Луне, и серая же стена. Чуть повернул глаза — увидел и вторую стену, такую же серую. Потолок, похоже, стальной, виден сварной шов,

уж это я точно могу отличить. Да и стены тоже. И где это я сейчас? То, что не в космическом корабле, ясно, но где именно?

Порывшись в голове, обнаружил полнейший голяк с подключениями сети. Точнее, все доступы сети были заблокированы. При этом импланты памяти нормально работали, но даже самые простейшие функции нейросети, такие как определители сторон света и часы, не функционировали. Везде «доступ воспрещен». Так что где я, сколько времени прошло с тех пор, как я уснул в капсуле, — неизвестно. Кстати, коннектор на руке мой, старый. Не тюремный. Но тоже заблокирован, снять не могу. Получается, мое местоположение отслеживается, за мной ведется контроль вплоть до записей разговоров, и я ничего не могу с этим сделать, снять во время активной работы коннектор — верный путь к сбою нейросети и вероятной на сто процентов шизофрении. И то в лучшем случае. Гуманисты, мать их...

Медленно, опираясь рукой на лежанку, я сел на жестком ложе, а точнее, узкой койке с ограждением в головах и ногах. Корабельная, что ли? Когда я служил, у нас было нечто подобное. Проходил как-то практику на кораблях ВМФ Земли, древних, практически антикварных. Держат их и как память, ну и морпех просто должен хоть пару раз, но высадиться с борта морского военного корабля. Мало ли что! Разумеется, эти корабли в основном как музеи работают десять месяцев в году, водят на них школьников из тех учебных заведений, которые в верхней зоне расположены. А на два месяца они только флотские.

Обежав глазами узкую каюту, я в первую очередь остановился на аккуратно сложенных на низкой скамье возле стены напротив вещах. Хотя, наверное, правильнее будет сказать — сложенных на банке, раз уж это корабль. Точно, давно забытые ощущения — мелкая вибрация, еле заметная, едва слышный, низкий, на уровне

инфразвука, шум, передающийся из машинного отделения. Шорох воды, трущейся о борт. И все же — где я?

Попытавшись встать, я вынужден был усесться обратно из-за закружившейся головы. Подождав, пока стены каюты не перестанут танцевать перед глазами, я вновь попытался встать, на этот раз более успешно, и, держась рукой за переборку, шагнул к крохотной раковине со сверкающим хромом краном. Дешевеньким, кстати, — простейший кран-смеситель, даже намек на температурные датчики нет, максимум возможностей для импровизации. И только глотнув затхлой воды — явно давненько в цистерны набрали, — я понял, какая гадость до сих пор у меня во рту была. Такого даже с самого жуткого похмелья не бывает, просто чудовищная какая-то химия. Прямо под умывальником, кстати, и стульчак расположен, тоже вроде как стальной. Если холодно будет, можно и задницу отморозить. Да, хорошо, что не холодно, одет-то я только в добротную байковую рубаху и такие же кальсоны. Афигеть! Натуральная ткань! Это что за цирк — одеть ссыльного в белье из натуральной хлопковой ткани, — она же диких денег на Земле стоит! Впрочем, попробуем насладиться этим, по крайней мере, по сравнению с кислотной тюремной робой, — красота! Серые, мягкие, хорошо и по размеру сшитые, явно на меня подобранные. Сдуреть, кальсоны, про них память у меня только в импланте, как раз в тех сайтах, что Васильич мне сбросил. Похоже, старый киборг знает об этой планете намного больше, чем мелькает в новостях. Глянув на закрепленное над умывальником саморезами зеркало из полированного куска нержавеющей стали, углядел хмурого, небритого типа, с низкими надбровными дугами и небольшими глазами под ними. Ну да, за образчик мужской красоты я никогда не проходил, скорее на неандертальца похож, и волосат почти так же, Лара все смеялась.

Так, вещи. Может, там что ясно будет? Сделал шаг к вещам и заметил небольшую деталь, на которую раньше

не обратил внимания. Прямо над вещами, на стене, под прозрачным пластиком, висело объявление, напечатанное на обычном листе бумаги и по-русски.

Внимание!

Ссылный, не заряжай оружие! Ссылный в камере с заряженным огнестрельным оружием считается бунтовщиком и уничтожается без суда и следствия!

Командир корабля-перевозчика ссыльных капитан первого ранга Измайлов

Опять афигеть! Этим корытом командует капитан первого ранга! То, что такой анахронизм, как огнестрельное оружие, здесь есть, — меркнет перед тем, что этим суденышком управляет человек, который по званию минимум эсминцем командовать должен, а то и отрядом кораблей. В голове всплыло, что эта планета находится под Эдиктом, и потому к ней, кроме как Корпус Эдикта, никто доступа не имеет. Это еще та организация, прав у нее столько, что все спецслужбы нервно курят в сторонке. И даже свой флот из сторожевых кораблей имеется. Не сказать чтобы уж очень зубастых, но для любого пирата с головой хватит. А флоты систем Корпусу Эдикта не помеха. Но она, насколько я знаю, никогда этими правами не злоупотребляет. Точнее, не дают ей особо злоупотреблять: чтобы планета попала под Эдикт, нужно нечто из ряда вон выходящее. Например, на одной вполне нормальной планете были обнаружены паразиты, живущие в головном мозге. Как они туда попадают, не знаю, но то, что из-за этого и та, и еще одна, вполне терраформированная, планета были закрыты напрочь — это была очень шумная история. Опасность пандемии галактического масштаба — не шутки. Пока медики не научатся справляться с напастью на сто процентов — не откроют.

Так что я на планете под Эдиктом. А также я сейчас во внезаконье. Зазеркалье. Стране, находящейся вне юрисдикции и судебной власти, где правит только сила.

Только оружие. Что в принципе мне как-то по барабану, пока жив, а что будет дальше — неизвестно. И так пожил подольше, чем некоторые знакомые парни.

Словно подтверждение моих воспоминаний, за стальной дверью неподалеку раздалась короткая автоматная очередь. Скрежет ключей, скрип тяжелых петель, одиночный выстрел. Неразборчивые голоса, постепенно удаляющиеся. Опять одуреть — двери с ручным управлением, механические замки, ключи. Такое бывает до сих пор, но редко. И дорого.

— Суки! Палачи! — Опять же рядышком молодой мужской голос, истерический, с подвизгиванием. — Пустите меня!

И негромкие удары в сталь, будто кулаками молотит. Потом погромче и размереннее — наверное, повернулся и продолжает каблуком сапога. Сапоги, кстати, вот стоят. Юфтевые, хорошо начищенные. И накрытые сверху портянками. Похоже, я уже перестаю удивляться тому, что одежда и обувь для ссыльных выполнена из натуральных тканей.

Одеться надо. Нечего в исподнем ходить. И вещи разобрать, и поскорее. Неизвестно, долго ли мне здесь еще околачиваться. Так. Что тут у меня?

Чехол ружейный, простой, брезентовый, с кожаными надставками на углах, клапане и кожаным цилиндром там, где ствол заканчивается. И патронташ, кожаный. Что-то мне такое отношение к снаряжению навевает странные мысли. Неужто оно — огнестрельное оружие? Но не суть какое, главное — оружие! Блин, как же я соскучился по надежной тяжести в руках!

Подрагивающими руками вытряхнул из чехла пару чехлов из бязи. Ствол, ложе со ствольной коробкой. Оба-на! Прошерстив память имплантов, нашел, что это курковый Иж-17 шестнадцатого калибра, простенькое, недорогое и очень хорошее ружьишко по прозвищу «ежик». Новодел, конечно, на клейме кроме стрелы «Ижмаша» еще комета «ЕрАрмз», завода с одной из пла-

нет внешнего кольца. Он как раз специализируется на выпуске реплик охотничьих ружей и винтовок конца девятнадцатого, двадцатого и двадцать первого веков. Но ружье на самом деле неплохое. Длинный ствол, цевье и приклад из хорошего ореха. Так, заряжать нельзя, но нет запрета собрать и не зарядить. Вообще-то ружьишко очень прикладистое и удобное. Нечто подобное у меня осталось там, на воле. Не огнестрел, конечно, парализатор, но общая развесовка и даже слегка дизайн схожи. В нашем мире с чокнутыми зелеными убивать дичь нельзя. Даже рыбачить строго по лицензии и очень дорого. В Метрополии вообще жизнь недешева, прямо скажем, если ты не живешь на велфере. Работяга, военный, полицейский — со всех тянут, чтобы толпу бездельников накормить и немного развлечь. Но поохотиться можно, окольцовывая птиц и зверей. Прошлым летом мы с Ларой ездили в Поволжье, на флотскую базу. Хорошо отдохнули. Но нужно проверить, работает ли это ружье, только как это сделать? М-да, вот уж незадача — несколько раз бывал на окраинных планетах, и хоть и крутил охотничьи реплики огнестрела в руках, и даже стрелял в тире, но поохотиться ни разу не сподобился. Хватило практики по «карасевке», когда нас на полигоне учили разделявать дичь и рыбу и готовить ее в полевых условиях, на живом огне. Хотя сразу инструктора признались, что, кроме Земли, нам такое умение ни к чему. При всем при том настреляться именно из огнестрельного оружия во время обучения пришлось вдоволь. Основные навыки курсантам преподают именно с огнестрелом, правда, совсем не таким архаичным.

В ответ на мысленный запрос о проверке работоспособности охотничьего оружия в мозгу всплыла информация из тех сайтов, что опять-таки сбросил мне старый киборг. Оказывается, все гениальное просто. Кстати, буду жив-здоров — нужно будет тщательнейшим образом разобрать эти объемы информации, Васильич явно что-то знал. А пока...

Выдернул из-под банки рюкзак, высыпал на палубу все то, что было в нем. Шустро раскидал рукой, выискивая подходящее. Вот оно! Маленькая жестянка с заворачивающейся крышечкой, в которой оказались охотничьи спички. По весу — чуть тяжелее, чем латунная гильза.

Взведя курок, поставил на лоб ствольной коробки жестянку и нажал на спуск. Боек ударил жестянку, подкинув ее почти до потолка каюты. Нормально, гора с плеч. Живое ружьишко. И патроны вроде нормальные, гильзы в гнездах, яркие, пластиковые. Десять патронов подписаны, что пулевые, восемь картечин и восемь — с дробью-«пятеркой». Отлично! Но до сих пор ничего не понятно. Зато хоть и древнее, но оружие в руках, очень неплохо.

Торопливо оделся в плотные штаны из серой ткани, рубашку из такой же простой, плотной, больше похожей на свитер с тканевыми усилениями на плечах и локтях. Намотав портянки (слава инструкции!), обул сапоги, потопав по полу. Ну вот, почти красавец, если на морду лица не смотреть. Поглядел на скрутку из тяжелого сукна, на брошенную рядом шинель из этого же сукна, плотного, серого. Покрой древний, похож на картины из музея Победы. Попробовал шов потянуть — надежно сшито, очень прочно. Толстыми нитками, таких в обычной жизни не встретить. Вообще сейчас в обычной жизни нитки встретить можно разве у вышивальщиц, недавно мода пошла на вышивку шелком. Шляпа. Большая, добротная, похожая на ковбойскую, из моих любимых вестернов. Точно по размеру, но точно не моя. Или моя? Хрен его знает, никогда такой не носил. Но сразу видно — Вещь. Именно так, с большой буквы. Так, шляпу на голову, шинель на койку, скрутку туда же, и собирать рассыпанные по палубе вещи. Неприятности, а именно они, скорее всего, начнутся после того, как откроют дверь каюты-камеры, лучше встречать одетым, обутым и полностью собранным. Пусть даже как на картинке из старой земной хроники. Хоро-

шо то, что опять же по «карасевке» научили мотать портянки. Вроде бы непонятно для чего, но сейчас я этому рад-радешенек.

А совсем неплохо со шмотьем в рюкзаке, кстати. Пара таких же верхних рубашек, пара белья запасного плюс двое трусов из синей ткани, семейно-безразмерных, запасные теплые портянки, два ножа. Причем ножи тоже простейшие, стальные, один пичок узбекский, с рукоятью из персикового цвета дерева, легонький, очень острый, и тяжелый боевой нож. У этого рукоять из резинопластика, простая и удобная. Виброножей нет, получается. Жаль. Очень жаль.

Чашка, котелок, кружка из жести, покрытой коричневой эмалью снаружи, и белые внутри. Все собрано в котелок и переложено грубой оберточной бумагой. Сплошь винтаж, чтоб его.

Пакет из плотной бумаги, простой, прошитый нитью. В нем три картонных упаковки из Макдональдса, завтрак с ветчиной, яйцом и сыром. Интересно, ресторанчик-то земной, адрес на упаковке написан. Это что, вроде как прощальный ужин? Афигеть, по-другому не скажешь, с Земли сюда везти. Не поймешь — то ли тонкое издевательство, то ли, наоборот, гуманное отношение к заключенным.

За броняхой продолжалась истерика с биением и пинанием дверей и воплями и визгами. Кто-то коротко рывкнул, чтобы вопящий заткнулся. А не то с ним проделают сексуальное насилие. Жуткое и извращенное.

А я сидел, рассматривая свою каюту-узилище. Как-то времени не было, да и не до того. А сейчас гляжу — ничего особенного, обычная стальная комната два на три метра. Вон крохотный ретранслятор, это, похоже, видеокамеры. Какое-то все винтажное, я с таким оборудованием сталкивался только на лунной базе, когда демонтаж старья производили на древних уровнях. Но это, похоже, рабочее. Интересно, для чего, ведь на мне коннектор? С его помощью муху, севшую мне на

шляпу, отследить не проблема, а здесь вон красные огоньки над объективами горят. Следят постоянно? Интересно, кто там такой любитель за гадящими мужиками поподглядывать? Кроме светильника под самым потолком крохотный иллюминатор с задраенным стеклом. Это хорошо, что он есть, — хоть понять можно, день сейчас или ночь. Сейчас вроде как день, по крайней мере за бортом светло. Хотя что я знаю об этом зазеркалье? Может, здесь полярный день такой? Или ночь? Хрен его знает.

За дверью грохнул одиночный выстрел, ружейный. Некоторое время было тихо, потом быстро протопало несколько человек, погромели ключами и поскрипели навесами, открывая дверь. Интересно, они специально навесов не смазывают? Скрип такой, что яйца сводит.

Из-за брони раздались приглушенные матюки и ругань идущих обратно людей.

— ...Потолок, сука, мозгами загадил. Придется щетку тащить и смывать. Нет чтобы как тот, во второй камере, тихо удавился, и все.

— Перестань, Николай. За такую зарплату можно и мозги пооттирать. А вообще, еще восемь часов — и на месте. Выгрузим...

Разговор затих, а я отлип от брони, к которой прилип ухом в районе смотрового окошка, или как там еще это называется. Опять не понял. Самоубийство ладно, но где бытовые дроиды? Впрочем, чего голову ломать?

Значит, часов восемь у нас есть. Можно поспать по-людски, а не под наркотой. Заодно запущу нейросеть на считывание информации из носителей, нужно все те старые книжки, что мне Васильич сбросил, прочесть. Интересно, чего эти чуваки счета с жизнью свели? Оружие есть, вроде как относительная воля будет. Или так на них та наркота подействовала? Бог их знает и им судия. А пока поесть нужно!

Достав из рюкзака кружку, я как можно тщательнее

отмыл ее под краном. И почему хоть кусок мыла не положили, раз уж ничего из современного нельзя? А потом набрал уже протекшей, несколько посвежевшей воды. Надеюсь, ничего от воды не схвачу, хлоркой припахивает — наверное, дезинфекцию делали. Вытащил первый попавшийся завтрак, разломил пополам картонную упаковку.

— А это что? — Я вытащил из-под свернутой тортитли кусок газеты. Ровненько так оборванный по согнутой кромке.

Обведенный зеленым маркером кусок текста в общих чертах рассказывал о суде над Матвеем Николаевичем Игнатьевым. То есть надо мной. Я был признан присяжными виновным в самосуде и умышленном, как написано в обвинительном заключении, «крайне жестоком» убийстве пяти человек. И приговорен к пожизненному заключению. Вот оно что, «по просьбе осужденного пожизненный срок заменили на пожизненную ссылку». Надо же, меня-то никто не спрашивал, приговорили, объявили, что ссылка будет на одной из отдаленных планет, — и вперед. Впрочем, чего теперь, что было, то прошло. Одна радость — что Лару примерно через полгода выведут из комы, восстановив мозговую ткань и нейросети. И даст бог, ребеночек родится здоровым, доктор клялся, что патологий не обнаружено, а денег от продажи моего дома с лихвой хватит на все действия по контролю развития ребенка, приему родов у Лары и послеродовому уходу за младенцем. Социальная медицина, как оказалось, совершенно не обязана заботиться о здоровье плода в чреве матери и уж тем более о ребенке.

Фотография красивой кареглазой шатенки, смеющейся, прячущейся за веткой цветущей японской вишни. Подпись, гласящая, что это Лара Игнатьева. Моя, так сказать, жена. Надо же, поженить успели и любимую фотку Лары нашли, из Японии. Это она еще курсанткой туда ездила, до знакомства со мной.

И надпись тем же маркером, снизу по какой-то рекламке:

Матвей Николаевич, мы очень вам сочувствуем! Мы вас любим! Держитесь!!!

Вера, Еленка, Женя и Алсу, девчонки из ресторана Макдональдс, Казань

И отпечатки четырех разных оттенков губной помады поверх подписи. Вроде как воздушный поцелуй из той жизни.

— Спасибо, девоньки. — Я улыбнулся, представив девчонок-подпольщиц. Наверняка им этот поступок казался верхом гражданского неповиновения. Интересно, когда это мы все успели проспаться приход к власти этих долбодятлов, представляющих нынешний Совет Земли? — Спасибо вам, красавицы.

И смотрел на фотографию той, которую сейчас люблю больше жизни. И которой точно в течение ближайших лет не увижу. Блин, выть хочется от тоски. Наглядевшись на фотографию, я аккуратно, вокруг портрета Лары, сложил вырезку и начал искать, куда бы его убрать. Не в картонную же упаковку от завтрака, и так здорово повезло, что жирное пятно попало на текст, а не на портрет моей девушки, к огромному моему сожалению, невенчанной моей жены. Интересно — то, что я вытащил первым именно эту упаковку, можно назвать случайностью? Все-таки один из трех — достаточно высокий процент вероятности. Но то, что эта коробочка оказалась именно у меня, — это явно не случайность. Но тут вариантов множество. От влюбленного в одну из девчонок конвойного, или кто там ездил за завтраками в ресторанчик, до того, что одна из этих девчонок дочка командира корабля. Если прибавить экипаж корабля-перевозчика, то вариантов до Бениной мамы. Впрочем, не стоит гадать, все едино вернуться и сказать спасибо вряд ли возможно. Да и незачем: не стоит хорошим девочкам с убийцами общаться. Еще плохую карму

подхватят. Был бы я капралом — еще можно было бы, но сейчас точно не стоит.

Тут я углядел уголок, беленький такой, торчащий из кармана полупустого рюкзака. Нагнувшись, я вытащил плотный конверт, вроде как обычный, почтовый, но сделанный из бумаги. Такие простому народу не по карману. Открыв, присвистнул. И вытащил из него тонкую пачку денег. Точно денег — откуда-то вспомнилось, что это здешние кредиты, общая валюта здешних земель. Всех — русских, американских, европейских. Даже азиатских вроде как. Так же, как и на Земле, объединенная валюта, даже чем-то смахивает. Похоже, мне кое-какую инфу качнули об этой планете.

— Ну вот, сюда и положу. — Я вложил портрет в конверт и сложил его пополам — как раз и фотография не согнулась, и плотнее так будет. Спрятал конверт во внутренний карман то ли свитера, то ли рубахи вязаной, с усилениями на локтях и плечах из плотной ткани. Вообще достаточно удобная одежда, прямо скажем. Не зря богатый люд одевается только в одежду из натуральных тканей. А потом взялся за деньги. Крупные купюры, кстати, и видом какие-то староватые, что ли. Ну, дизайн несовременный. И красноватые, в отличие от тех, земных, «зеленых» бумажек. Не гринбак, а редбак. Или пинкбак. И кстати, у меня двести пятьдесят этих кредитов пятерками и полсотни по одному. Как это по курсу здешнему, интересно?

Отсчитав пять бумажек по пять и десять по одному кредиту, я сложил их пополам и сунул в карман брюк, один из многих. А большую часть убрал в нагрудный карман и застегнул. Не стоит все яйца держать в одной корзине, право слово. Прицепил пичок к поясу, а боевой нож уложил в рюкзак. Плохо то, что фляги нет, но раз есть деньги, то и магазины тоже найдутся. Есть такая уверенность. И, бросив скрутку и шинель под голову, я прямо в сапогах завалился на лежанку, откусывая

от завернутых в лепешку котлеты и жареного яйца. Чаю бы еще, крепкого, черного, можно с коньячком.

Какое-то время я копался в старых уставах, охотничьих и туристических справочниках, наставлениях по стрелковому делу древних огнестрельных систем, даже книга «В помощь партизану» времен Второй мировой попала, наша, русская, крутил древние ролики с примитивной графикой, на старых земных языках, а потом и в самом деле уснул — и проснулся от рывкнувшего ретранслятора.

— Внимание, ссыльные. Подъем! Через час ваша высадка, через сорок пять минут вас выведут из камер. Внимание! Оружия не доставать, ножи спрятать в рюкзаки. Все, у кого увидят нож на поясе или в руках, вообще в пределах быстрого доступа, — будут убиты снайпером! Каждый, кто попытается вытащить ствол, — будет застрелен снайпером. Каждый, кто попытается кинуться на конвоира, — будет застрелен снайпером.

В случае попытки массовых беспорядков будет открыт огонь из пулеметов на уничтожение. Ссыльные, здесь вам не там! Никто не отчитывается за ссыльных, отчитываемся только за патроны. Вы — для того мира мертвы. Сумеете ли вы выжить и вернуться назад — только ваша проблема. Будьте разумны и спокойны, и у вас начнется новая жизнь здесь!

Щелкнув, громкоговоритель отключился.

— Неплохо, мы вас всех убьем, и ничего нам за это не будет. Впрочем, чего еще ожидать, — я усмехнулся и встал, потягиваясь. Придется пичок снимать и убирать в рюкзак. Впрочем, всегда успею повесить обратно. А вот пару патронов в карманы бросить не помешает. И бязевые чехлы с «ежика» снять, чтобы собрать быстрее. Цевьё в карман положу, клапан открою, ствол в коробку, цевьё прищелкну, патрон в ствол — и вооружен. Не против пулеметов, естественно, но что меня ждет на берегу — хрен его знает.

Полностью собрав рюкзак, привязав к нему скрутку,

встал на стульчак и одним глазом выглянул в иллюминатор. Блин, все едино высоко, вижу только облака в чистом синем небе и чаек с бакланами. Много птиц, кстати, очень много, значит, и рыбы здесь навалом. Ладно, поглядели — и будет. Стоп. А откуда ЗДЕСЬ чайки и бакланы? Это же не Поволжье?!

Ошалело покачав головой, я спрыгнул со стульчака и решил использовать его по назначению: когда еще нормально на горшок сходить получится? А пока время есть...

Через сорок минут меня предупредили, что будет открываться броняха, потребовали отойти в дальний угол, положил ружье в чехле возле двери. Когда я облокотился на дальнюю от двери стену, лязгнул замок, с жутким скрипом отворилась дверь. В каюту заглянули два автоматчика с автоматами Калашникова. Вроде «сотой» модели, под патрон 5,56 НАТО. Рожок, по крайней мере, не такой изогнутый, как у «семьдесят четвертого». Сами очень серьезно экипированные ребята, в такой снаряге даже здание штурмовать можно, и при этом с огнестрелом. Вон на бедре пистолет закреплен, тоже пороховой, похоже. Видимо, я точно чего-то очень важного не знаю и потому вообще ничего не понимаю.

— Пока стоишь. Твой номер — семнадцатый. Как услышишь его, берешь шмотье — и налево от двери по коридору, по трапу наверх. Встаешь у левого борта и не дышишь. Ясно? — Один из них коротко пнул мой чехол с ружьем и, повернувшись, вышел.

Следом за ним вышел было второй. Но повернулся в проеме броняхи и мотнул башкой в шлеме:

— Удачи, капрал.

А ведь это точно не вертухаи, повадки совсем другие. Я не люблю вспоминать, где и сколько я просидел, но так себя вертухаи не ведут, у них в крови совсем другие правила, вбитые многолетним опытом личным и многовековым опытом конторы.

А тем временем в коридоре скрежетала следующая дверь.

— Семнадцатый, на выход с вещами! — рывкнул ретранслятор.

Так, а вот и команда. Облизнув пересохшие губы, я подхватил чехол с ружьем и вышел из каюты. Повернул налево и пошел вдоль ряда распахнутых и пустых кают. Поднялся по крутому корабельному трапу, вышел из тамбура, зажмурившись от яркого солнца. Проморгавшись, увидел выстроившихся вдоль левого борта хмурых мужиков, парней. Все так же, как и я, одеты в шинели и шляпы. У ног лежали разнообразные рюкзаки и чехлы с оружием.

— Шевелись! К борту, и не отсвечивать! — рывкнул сверху кто-то, и я поторопился к борту.

Не хватало пулю в затылок словить еще из-за нерасторопности. Оружие хоть древнее, но убивает вполне по-настоящему. Вряд ли здесь кто-то будет проводить реанимационные мероприятия для ссыльных. Встав, глянул наверх, из-под бровей и полей низко надвинутой шляпы.

Пятеро мужиков, в таких же легких брониках и разгрузках, как и те, что меня в камере навестили. Такие же АК, но уже с легкой оптикой на планке. Чуть дальше, к надстройке, две башни от старых БТР, одна над другой уступом, с крупнокалиберными пулеметами КПВТ и ПКМТ. О, а вон в переборке, в небольших амбразурах, дульные тормоза — пулеметы, похоже, но не ПКМ. Скорее те, что когда-то были в армии США, оружие поддержки отделения, М249 под «пятерку» натовскую, то есть под 5,56 на 45. Три огневые точки плюс пять автоматчиков — они нас в секунду покروشат, не вспотеют. А Васильичу, по идее, я минимум литр должен. Хорошую, просто отменную подборочку он мне скинул. Гадал бы сейчас на кофейной гуще о ТТХ и баллистических особенностях оружия. Но почему даже на корабле нет энергетического оружия?

Пока я рассматривал охрану, к борту подошло еще пятеро. Один какой-то ботаник, молодой парень в мод-

ных стеклянных очочках, худой и хлипкий. Не, у нас во взводе служили несколько тощих парней, но те при своей худобе были из сплошных жил сотворены и очень опасные противники. А тут именно ботаник, растерянный, из голенища сапога торчит кус портянки, одежда неряшлива, рубаха заправлена в брюки и собрана в ком на пузе, явно в армии не служил, даже на месячных курсах резерва. Я, кстати, рубаху в брюки не заправил, оставил навыпуск. Не знаю почему — видимо, корабль так подействовал. Вроде как уже не флотский, а какой-то то ли гражданский, то ли не пойми кто.

Еще двое — мужики среднего возраста, к сорока. Оба грузные, черноусые, здоровенные и похожи даже, родственники, наверное.

Двое остальных — вроде как молодые урки, то есть из молодых, но прилично отсидевших по малолетке. «Перстни» на пальцах, короткие стрижки, показушная борзость. Ненаказуемая, но демонстрируемая. Наверняка из «нижних» кварталов, в больших городах таких не счесть.

— Так, ссылные! У вас есть выбор — или плывете до берега сами, или нанимаете лодку. Точнее, место в ней. От берега идут три яла, за пятерку здешних кредитов они вас перевезут до пристани в поселке. Дальше вы сами, как вам повезет. Решайте. Но после того как отвалит от трапа крайний ял, все оставшиеся на борту ссылные будут просто сброшены за борт. Живые или мертвые — это им решать. Думайте, но недолго. Вон шлюпки уже идут, будут у борта через пять минут.

Я оглянулся. На самом деле, на речной глади три шлюпки, размеренно сверкающие мокрыми лопастями весел. Хорошо идут, ходко, ровно, умело, почти как на Лондонской регате. И поселок на берегу видать. Дома, пристань, дымки над домами. Дымы, мать! Одуреть, каменный век! Над шлюпками, кстати, кружатся чайки и бакланы — похоже, за рыбаков приняла.